

Вера Блынская
«ГОЛОСА СИБИРИ» В ДОМЕ
ДОСТОЕВСКОГО
О памятных уголках литературной
провинции

У медалей, монеток и листьев две стороны.
 Осень щедро расплачивается за предоставленную ей пору,
 и в благодарность бросает на землю золотые листья и яр-
 кие бусинки ягод.

Красиво. И грустно - оголяются деревья. Опять же - две сто-
 роны медали,

У горизонта виднеются вечнозелёные «хвойные» горы и на
 полях, местами, **изумрудятся** всходы озимых. Глаз фиксирует бес-
 крайние богатства природы и - убогость промелькнувших дере-
 вень, кое-где утыканных дачами.

Две стороны медали...

«Голоса Сибири» в Доме Достоевского

Вот какие мысли мелькают, когда чистишься по кузбасской, впол-
 не европейской, трассе.

Сегодня 13 сентября. Еду на творческую встречу из столицы
 Кузбасса, Кемерово, в свой родной Новокузнецк. Раньше он был
 - Сталинск. Потом переименован, как северная столица: из Ле-
 нинграда вновь — Петербург.

Радостно и тревожно. Для меня навсегда грустью пронизана
 эта дорога: много лет назад здесь погибли друзья.

...А жизнь продолжается и преподносит сюрпризы. Вот, нео-
 жиданно при знакомстве с попутчиками испытала что-то вроде
 благоговения: такие умы, такие дарования...

Доктора наук, профессора, преподаватели точных наук, и все
 они - одновременно поэты и прозаики, авторы множества издан-
 ных книг, достигшие высот не только в своих профессиях, но и в
 любимом занятии, которое «для души», и отнюдь не — есть же
 такое нелепое слово! - «хобби». А ведь порой обыватели навешива-
 ют этот ярлык на подлинное творческое увлечение тех, по-
 мимо своей непосредственной профессии, способен «воспла-
 рить»...

Вдруг подумалось, что услышанное и непонятное в детстве:
 «главное богатство страны — люди», это не просто расхожая фра-
 за. В нашем же угольном крае почти все лозунги и плакаты свя-
 зывают понятие «богатства» с **добытыми** из земли её же недрами.
 А такие люди, как мои попутчики, - разве не «соль земли»?

Уютный микроавтобус вырывает к центральному универма-
 гу. И тут эмоциональная Тамара Михайловна Хмиловская, само-
 бытная исполнительница народных и современных песен из го-
 рода Березовский, что-то громко говорит о «партии» - удивленно-
 возмущённо-недоумённо. И даже что-то о «торговле партией».

Столичный или «иноземный» читатель, вы улыбаетесь? По-
 думаешь, де, доктора наук, профессора...

Не улыбайтесь, из вашего далека не очень большие «провин-
 циальные» города едва ли просматриваются.

А их множество. И именно в них, не взбаламученные суетным
 грохотом столиц, «расцветают души», и обретают голос дарова-
 ния, не боясь высокомерия мэтров. И это - одно из очарований
 так называемой провинции.

Вера Блынская

.. Прислушиваюсь. Оказывается, на нашем пути, на рекламной растяжке у ЦУМа действительно крупными буквами сообщается:

ПРОДАЁТСЯ ПАРТИЯ
офисной мебели

Вот такая «игривость». А ведь ещё относительно недавно за подобную резвость могли и головы полететь. Сейчас, похоже, рекламы подобного «градуса» никого не удивляют. Примелькались.

Когда проезжали мимо цирка, уже уверилась, что дорога не будет скучной, я взяла ручку, и в блокноте появились строчки, которыми сразу же поделилась с Тamarой Михайловной: *Сутра была апатия: / Кривая счастья вниз. / Вдруг: «продаётся партия» — / Рекламный мне сюрприз.*

Тамара Михайловна тут же отвечает " Не продаётся партия, / Ине мечтай об этом, / «Единая Россия» — / Ты в сердце у поэта.

Через какое-то время диалог продолжается: *Сначала было весело, / Потом смешно, хоть плачь, — / Рекламата... о мебели / Для офисов и дач.*

У Тамары Михайловны рождается новая «эпиграмма»: *Висит реклама в городе / На тряпочной растяжке, / Мол, продаётся партия, / Вот-вот еёрастащат,*

Итожит «перепалку» наш попутчик, мой супруг Геннадий Васильевич, который на ходу перефразирует Маяковского: *Партия — вздор, партия — ноль. / Кто более матери-истории ценен? / Конечно же, человек, / Который себе, а не в партии верит.*

Вы можете себе представить, читатель, такую рекламную «растяжку» в Москве? Или в Питере? О секс-попе или кружевном белье — можете. Но о партии?

В провинции слова и понятия ещё сохранили свои смыслы и слишком «разыгравшаяся» реклама, глядишь, ещё может людей и «задеть». И люди живо на это реагируют.

Представьте такой рифмованный диалог, что завязался в нашем автобусе где-нибудь в «просвещённых столицах». Или в Бухаресте, Варшаве, Париже.

«Голоса Сибири» в Доме Достоевского

Вы уже не улыбаетесь, читатель? Вы смеётесь. И вы правы. Свежесть и искренность восприятия всего Божьего мира живы именно в провинции. И да сохранятся в ней.

.. Так, за разговорами и шутками промелькнули три часа, и — здравствуй, мой родной Новокузнецк!

Знакомые трубы КМК, неизменно дымящие как гигантские сигары, незнакомые новые здания. А на Левом Берегу перед мостом - два стареньких уцелевших деревянных строения. Они - стражи у моста через Томь. Стражи старины. Они предупреждают: начинается въезд в сердцевину истории Кузнецка,

А за мостом — двухсотлетние топольники.

Помню, в детстве кто-то рассказывал, будто в седую старину перед нашествием врагов у подножия Кузнецкой крепости повтыкали колья, А они проросли. Так ли - не так, однако, спасибо топольникам - удар смога «берут на себя»: дышите, кузнечане, дышите!

Здравствуй, здравствуй, родной старенький Кузнецк! Здравствуй, знаменитый полуторавесковой дом Достоевского на Фор*штадте. И опять же, - сохраниться домам помогли Топольники: защищали от ветров и бурь, первыми принимали половодье...

Тепло и сердечно приветствуют нас служители музея, они же — служители истории. Удивительна судьба этого дома — всего несколько дней прожил в нём великий Достоевский, а память о том навечно запечатлелась в едва ли не уникальном «музее образов». Казалось бы, - давным-давно известная история. Но наш гид Ольга Сергеевна так проникновенно ещё раз преподнесла нам любовную коллизию великого писателя с его избранницей, к которой он сюда приезжал до самого их венчания, что кажется, будто не только наш экскурсовод, но и все мы были рядом с несчастливыми данниками любви, и, стало быть, в этот миг тоже были кузнечанами.

И, значит, для Достоевского на мгновение оказались «гадами и гадинами», как он называл жителей Кузнецка!

Нет, нас он таковыми бы не посчитал. Ведь те, полуторасотлетней давности кузнечане так не милы ему, потому что посягали на Марию Дмитриевну - всё хотели замуж выдать, отнять у него.

Вера Бльнская

А мы... Мы благоговеем перед таинством великой любви писателя, мы ищем ее следы в его произведениях, написанных даже через много лет после смерти этой обворожительной и так безумно любимой им женщины.

Однако, всё парно, всё повторяется...

Две стороны медали...

Через сто лет после венчания Достоевского и Исаевой повторилась подобная же история любви. Только - у моих родителей. Именно в Кузнецке, в «Достоевском» месте. История простая и пронзительно краткая...

Слушая рассказ о кузнецком отрезке жизни великого писателя, изумлялась: ведь мой отец буквально «по стопам Достоевского» приезжал к моей матери. Она жила на квартире по улице Куликовской, совсем недалеко от музея, - как потом оказалось, у двоюродной сестры отца. Отсюда и знакомство. А отец жил на Левом Берегу,

В 50-е годы прошлого века пассажирский транспорт не баловал кузнецан. И, значит, мой молодой влюблённый будущий отец после работы приходил-прибегал с того берега через мост (романтично), за Топольниками сворачивал на первую улицу Форштадта, что теперь «улица Достоевского» (исторично), и, конечно же, гуляли они с мамой по Старокузнецку, поднимались «на крепость», — местный Арбат! - и мечтали о будущем. Планировали они в ту пору свою любовь - «на веки», но разъехались, когда мне был 1 год.

Достоевский прожил в Кузнецке с женой 2 недели. Мои родители прожили в Кузнецке 2 года

Аура странного романа Достоевского и Исаевой витает над этим домом, над этой улицей, и, наверное, не раз ещё будет воплощаться во всё новые романтические коллизии, где-то тут, на этой улице, около этого дома. Который чудом уцелел и превратился в музей.

Каких-нибудь тридцать лет тому назад его вдруг объявили затопленным половодьем, чего и в помине не было, а потом чуть было не раскатали по брёвнышку, чтобы в виде некоего макета воспроизвести в задуманной резервации «для памятников старины».

И какие баталии бушевали в газетах и журналах, а также на телевидении.

И вот он — музей.

Столичный наш читатель, не улыбайтесь: подумаешь, деревянный сруб, в котором Достоевский не написал ни одной строчки. Не написал, - но здесь уже в пору его приездов витали образы будущих романских героев, потому что здесь, именно в этом доме вершился вьязе великий роман его собственной жизни.

Провинция - бережлива. Она чтит каждый памятный уголок и бурно его отстаивает, потому что памятниками отнюдь не богата.

Провинция - не какой-нибудь райский уголок, где на каждом перекрёстке высятся дворцы и античные скульптуры. Но очарование ее - в привязанности к привычным с детства памяткам.

Но всё это, я — так, попутно...

...Итак, после окончания института моя мать вернулась в Кузнецк. Именно в Кузнецк, А я училась в самой известной школе города — в 10-й, и после окончания кемеровского университета тоже намеревалась вернуться в Кузнецк, Однако - «перешёл дорогу» кемеровчанин...

Но это уже совсем другая история...

А «кузнецкая история» в моей жизни и короткая, и бесконечная.

Музей Достоевского раньше был филиалом городского краеведческого музея, который основал отец моего отца— Блынский Георгий Степанович. Мой дед, которого я никогда не видела. Притом родители отца похоронены на Кузнецком кладбище, на крепостной горе. Вечная связь с Кузнецком,

От этого осознания «родства» с музеем я уже не чувствую себя посторонней на этой творческой встрече литераторов и учёных.

Сибирью прирастает культура России. Прославляются умы и таланты предков, когда-то сосланных на каторгу за вольнодумие, за сострадание к народу, за искреннюю любовь, за храбрость. Отголоски их путанных, скорбных, но и величественных жизней звучат в произведениях нынешних авторов, участников этой встречи...

Как добрая хозяйка ведет встречу Начева Любовь Васильевна, — она один из авторов альманаха «Голоса Сибири», доктор биологических наук, профессор, заведующая кафедрой Кемеровской Медакадемии. Меня очень тронул её рассказ «Рассвет в Сухуми*» (см. седьмой выпуск «ГС»). Л.В. как профессиональный биолог, видит связь между всеми присутствующими в непрерывном потоке жизни, состоящем из множества биологических и психологических закономерностей,

И так она ловко характеризовала каждого выступающего и связывала в туго сплетённую цепочку происходящего действия!

Непременный атрибут её изысканного туалета - массивная серебряная цепь в два пальца толщиной — как бы каждым звеном иллюстрирующая убеждение: главная формула жизни - неразрывность, и нас всех, в том числе. Только вместе мы — ценность, только вместе можем послужить полезному делу единения. *Биолог и поэт, / Как им ужиться вместе? В Сухуми ночи нет, / Не верится? - Поверьте...*

Наш омский гость Виктор Соломонович Вайнерман, как и все мы, находится под впечатлением обаятельных манер Любови Васильевны. Всех нас связывают «серебряные цепи» творчества.

Слушая выступление Виктора Соломоновича, я задумалась...

У всех в юности был пронзительный школьный звонок. Он много лет разделял нас на тех, кто вовремя заходит в класс на урок, и тех, кто, случалось, запаздывал. Опоздавшему было худо во всех отношениях - запись в дневнике, вызов родителей к директору школы, «пятно» — в характеристике, упущение какой-либо важной детали урока или нескольких минут общения с друзьями, которых, как теперь оказывается, было не так уж много. В общем, в детстве надо было чаще повиноваться звонку и приходиться вовремя.

А во взрослости - бывает, и вовремя уйти. (Вот они, двусторонние медальки-листки).

Член Союза российских писателей, член редколлегии «Голосов Сибири», заслуженный работник культуры РФ из Омска, Виктор Соломонович Вайнерман остался очень доволен встречей с Новокузнецком, и, как слышно, вернувшись в свой родной город, не скупился на похвалы в адрес её организаторов. Тридцать

лет он возглавлял Омский музей Ф.М. Достоевского. И, как истинный победитель, — подобно олимпийскому чемпиону, — отмеченный всеобщим признанием, ушёл со своего поста вовремя. Не опоздал уйти.

Японцы считают, что надо менять место работы каждые пять лет. Чтобы не было застоя, автоматизма в делах, и не притупилось желание зарекомендовать себя с лучшей стороны, в смысле трудоспособности и старания.

А у нас - по-другому. Если уж что-то делать, то с душой, и как же эту душевность ограничить сроком? Тридцатилетнее преданное служение Вайнермана музею Достоевского в Омске навсегда осталось в экспонатах, в памяти омичей, сибиряков.

Во всем мире Достоевский почитаем, весь мир пытается понять «загадочную русскую душу» через его произведения. Так вот же еще одна «загадка русской души»: уход с поста директора Виктора Соломоновича Вайнермана, о чём подробнее см. №4 «ГС».

Вайнерман «вышел из класса» вовремя. Не опоздал.

Уверена, новый поворот судьбы даст ему темы для его новых произведений, так честно проецирующих окружающую действительность. *Извечна тайна — Человек, / Не разгадать её вовек. / Хотя стремление сердечно, / Но жизнь сложна и бесконечна.*

Виктор Соломонович — наш омский гость, скромный, обаятельный, - раздарил целую гору своих книг - «Зеркала» и «Записки экс-директора», - и так тактично старался не затмевать гостей-кемеровчан...

Затем слово предоставили члену Союза российских писателей, постоянному автору «Голосов Сибири», доктору фармацевтических наук, профессору, заведующему кафедрой фармацевтической химии Кемеровской государственной медицинской академии, читаемому, почитаемому и любимому в литературных кругах Омска и Кемерова, Петру Васильевичу Кузнецову. Пётр Васильевич с таким запалом выдал «на гора*» свои размышления о сонетах, о вечном служении поэзии, что после выступления не смог оставаться в зале, а что называется, «вылетел», извинившись, на перекур. Его эмоции поражали слушателей. Да и весь он удивительный: богатырская статья, блистательный фейерверк

вокальное мастерство. Обладатель уникального голоса, Зоя Ивановна сочиняет стихи, композитор Николай Иванович Гусев пишет музыку, так рождаются песни, которые Тамара Михайловна «озвучивает». Благодаря Тамаре Михайловне сборники стихов тоже звучат как оркестр, солируя каждой строчкой. Голос певицы удивительно репрезентативный и торжественный. Выступала она на улице, у памятника Достоевскому. Но, кажется, половина Кузнецка могла услышать её концерт. Прохожие останавливались, заглядывали через калитку. В соседнем доме хозяин, видимо, задумал в субботний день почистить трубу бани. Подставил лестницу и стал подниматься на крышу. И в этот момент запела Тамара Михайловна. Так он и простоял полчаса посередине лестницы. *Науке точной в равновесье / Уней есть дар исполнить песню. / Знаток душевных илиричных тем, Она - учитель и спортсмен.*

Мы включаем радио и телевизор. Звучит русская песня. Сверкают нарядные костюмы. Мы восхищаемся: ох, Надежда Бабкина! Но ведь сколь всевластен повелитель человеческой жизни - Случай! Был бы Хмиловской предопределён судьбой этот самый чудодейственный «случай», кто знает, каких высот достигла бы она с её могучим, серебром звенящим голосом, с её выдержкой и упорством, которыми она, несомненно, обладает, потому что ничего так не укрепляет в человеке стремление к достижению цели, как спорт, который занял в её жизни немалое место.

Как мы знаем и убеждаемся, читая произведения Достоевского и его рассуждения о самом себе, в жизни великого писателя «господин Случай» играл решающую роль. Это он, Случай, привёл его на сибирскую каторгу, но он же подарил ему «грозное чувство» к Исаевой, а отсюда - красная нить трагической любви, что пронизывает всё его творчество и делает неповторимым по накалу любой его роман. Это Случай водил Достоевского на горе его второй супруге Анне Григорьевне, в игорные залы и погружал в игорный морок, чтобы впоследствии из-под пера несчастливой игрока-Достоевского появился роман «Игрок». И это он же, Случай, позволил скромному деревянному срубу - тайнику скольких страстных и горьких разговоров и общений Достоевского с Марией Дмитриевной, - всё-таки через

все препоны сохраниться на улице его имени и опять же - Случай свёл всех нас вместе сегодня в этом доме, укутанном особой, волшебной аурой.

.. Скромно поведало своих многолетних трудах, о немецком сообществе Кузбасса Вольдемар Александрович Горх. Его труды занимают достойное место в кузбасской литературной летописи. Бывший директор совхоза-техникума не понаслышке знает цену труда на земле. Он немногословен. Представил свои романы-хроники о немцах, сосланных в Сибирь в ходе сталинских депортаций. *Большим талантом наделён, / В романах всем поведал он, / Как трудно на чужой земле, / А на своей трудней вдвойне.*

«Своей» - имеется ввиду та, покинутая отнюдь не по своей воле его родными, та, которой суждено было «перестать быть». Недаром же это немецкое сообщество в Кузбассе называется «Возрождение» («Видергебурт»). Книги В.А. Горха свидетели такого возрождения. Да и он сам, такой, какой есть, — свидетельство необыкновенной «живучести» народа, который в течение двух столетий пребывания в России, к своим редкостным качествам, как то деловитость, «талант любить землю», точность, честность, прирастил всё лучшее, что свойственно было российскому народу в те давние поры.

О связи времён, народов и народностей говорил председатель новокузнецкого отделения Союза писателей России, профессор, заведующий кафедрой новокузнецкого пединститута, виднейший представитель шорского национального движения Косточаков Геннадий Васильевич - ещё одна ведущая скрипка нашего оркестра. Единение духовности, вне расстояний и вне времён, - тема его выступления. Мы все едины по месту жительства - Кузбасс, Сибирь, Россия, и, наконец, Божий мир. И не рознь, а единение нужно людям сейчас. Как никогда. *Зав. кафедрой назначен шорец. / Ох, не из робкого народец! / Таёжный быт терпенья прибавляет, / Талантами Россия прирастает.*

О, этот удивительный шорский народ, который «говорит языком тайги»! Сколько испытаний выпало на его долю, когда, оторванный от лесного промысла, коим жил из поколения в

поколение, волею так называемых «государственных» нужд и планов, очутился в шахтах, в подземелье. И выстоял. И сохранил несравненную поэтику мышления и неожиданность пронзительного и первозданного восприятия окружающего мира и таинственность «чувствований», что так остро ощущается в произведениях шорских авторов...

.. В.А. Горх, Г.В. Косточаков - разве не «соль земли»? Они, - которые истинно патриоты своего края. Сейчас слова «патриотизм» многие даже стесняются. Не в провинции, нет. Вот у одного участника встречи, автора «Голосов Сибири», директора Новокузнецкой школы №96, в которой преподавание строится по уникальной системе «Школа Л.Н. Толстого», Бориса Ароновича Гросбейна, «пора патриотизма» никогда не тускнела и не обесценивалась.

Наши почтовые ящики, бывает, заваливаются рекламными буклетами и газетами. На рекламные игры денег хватает. А на публикацию бесценных рукописей из музея коммунаров-толстовцев, расположенного в школе Бориса Ароновича - денег нет. Статус музея - временный, «школьный», хотя его уже давно пора повесить до муниципального. К слову сказать, в городе существует кинотеатр «Коммунар» - чем не место для открытия музея коммунаров-толстовцев? *Чем тратить средства на пиар - / Кинобы «Коммунар» / Отдать в музей Гросбейну - / К толстовцам отношусь благоговейно!*

Помощница и сподвижница Бориса Ароновича — краевед, бывший руководитель новокузнецкого музея народного образования Тамара Васильевна Семёнова. У неё удивительно ясное, иконное лицо. Не лицо - лик. Она и вправду святая женщина. Как может, помогает сохранить музей, составила сборник «Кузнецкая школа» (это моя,] 0-я!). Знает всё о Кузнецке и кузнечанах. Потому что - подвижница она!

Ф.М. Достоевский сказал, что «красота спасёт мир». Наверное, это было созвучно его времени. Мне же думается, что мир спасут подвижники и так называемые «чудаки». Те, что обуреваемы совсем другими предметами и явлениями, нежели то, что можно обнюхать, лизнуть, слотнуть или спрятать в

карман. И то, что является стержнем их жизни, они будут отстаивать с истинно львиным мужеством.

И «произрастают» они, чудачки, - подобно грибам, что скромно ютятся у древесных корней в лесу, подальше от шума, - «произрастают» чудачки в тиши малых городов, в чинной, немного скрытной, но столь уютной и душевной, - если тебе поверят! - провинции. Они, чудачки, и есть некий феномен провинции,

...А ещё выясняется, что с Тамарой Васильевной мы давным-давно знакомы. Она работала помощницей у моей мамы в комбинате «Кузбассшахтострой». Вместе они ездили по Кузбассу, делали геодезическую съёмку для строительства и ремонта шахт и разрезов. В подчинении комбината был трест «Южкузбасслес», занимавшийся поставкой древесины для стоек в шахтах. Здание треста, помнится, было на Фюрштадте, недалеко от музея Достоевского. Руководил трестом мой дед, Георгий Степанович.

Господи, до чего же всё связано, до чего жизненные звенья неразрывны. А ведь дед мой тоже учился в школе, книгу о которой составила Тамара Васильевна. Безмерна связь с Кузнецком. Через неделю после описываемой встречи мы с мамой приехали в Кузнецк, и они с Семёновой встретились так трогательно, так тепло, и вспоминали молодые свои годы. *Лик святой и непорочный, / Но стоит за этим прочно / Сила духа. Склад ума — / Будто злата закрома.*

Но вернёмся к встрече, вызвавшей столько воспоминаний-связочек. От имени Правления Кемеровского регионального отделения Союза российских писателей выступил его председатель. Он приветствовал участников встречи и выразил надежду на дальнейшее сотрудничество авторов и организаций из Кемерова, Новокузнецка и Омска, вручил наградные листы.

Конечно же, самая искренняя благодарность и поклон моим землякам - работникам музея, которых объединяет Эмилия Валентиновна Шестакова. Они встречали нас по-семейному: ароматный чай, незатейливые печенюшки-конфетки, простая обстановка, мебель прошло-позапрошлого века. Уютно, по-домашнему. Признаюсь, давно не была на фуршетах без спиртного,

обильных яств. А ведь вкусно покушать можно и дома. Завсегдатаи питейных фуршетов при виде чая с печеньем обомлели бы. А, дав себе волю, глядишь, и заматерились. Ну что, в самом деле, за мероприятие? Собрались — и без бутылки...

Ох, спасибо им, музейщикам, что хранят память о великом писателе, его удивительной истории любви, о какой тайно и явно мечтают, наверное, все. И спасибо за домашность чаепития с добром и миром в душе... *Их скромный труд оценят позже, / Он не заметен, не для глаз. / Великих признают ведь тоже / Не сразу, не на первый раз.*

«Домашность»... Ею богаты малые города. Так называемая провинция. Ею пронизаны отношения между людьми, разговоры при встречах, презентациях книг и «сходки», подобные описанной выше. И потому только здесь, вдали от «новых Вавилов», могут возникнуть, наверное, воспоминания-связочки при посещении города, где не бывал годами, и вдруг встретился с ним, как с дорогим родственником.

...А ещё на этой встрече был краевед-исследователь Пилипенко Владимир Семёнович. Энтузиаст, хранитель истории Кузнецка, заместитель председателя объединения краеведов Новокузнецка. Он увлекается фотографией и позже выслал нам в Кемерово снимки. На его визитке - «а/я в почтовом отделении №41». Вот ведь опять «маленькие знаки судьбы», двухсторонние монетки-медальки. Ведь не где-нибудь, а именно в этом отделении связи, у кинотеатра «Сибирь», я недолго работала телеграфистом.

И вот - ещё повторение, снова замкнутый круг: фотографировались мы в комнате со старинным буфетом и настенными часами. А точно такие же достались мне в наследство от деда, создателя первого Кузнецкого музея. И так — фотография. Стоп! *Затвором щёлкнув, как портфелем, / Мгновенно говорит он «стой». / Он сохранит на фотопленке / Историю для нас с тобой.*

Падают медальки-листки. Красиво. Родной город, родной Кузнецк. Радостно и грустно...

*Новокузнецк — Кемерово,
ноябрь 2008г.*